

The background of the book cover is a black and white photograph of a Parisian scene at night. In the foreground, the silhouette of a man wearing a fedora and smoking a pipe is visible. He is looking towards the right. In the background, the illuminated facade of a Gothic cathedral, likely Notre-Dame de Paris, is visible across a river. The river reflects the city lights, and a bridge can be seen in the distance. The overall mood is mysterious and atmospheric.

Жорж
Сименон

ТРУБКА
МЕГРЭ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Трубка Мегрэ

«Азбука-Аттикус»

1947

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Трубка Мегрэ / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1947 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15430-8

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Трубка Мегрэ». Комиссар Мегрэ носит давно вышедшие из моды котелок и пальто, не расстается с трубкой, предпочитает дождливую погоду, обожает греться у огня и ходить, заложив руки за спину. Мрачный, немногословный, он обладает редким даром внушать доверие, ему известны тайные пружины человеческой драмы. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15430-8

© Сименон Ж., 1947
© Азбука-Аттикус, 1947

Содержание

Глава 1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Жорж Сименон

Трубка Мегрэ

Georges Simenon
LA PIPE DE MAIGRET
Copyright © 1930, Georges Simenon Limited

GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского М. Таймановой

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© М. Тайманова, составление, перевод, 2017

* * *

Глава 1

Дом, где оживают вещи

Половина восьмого. Кабинет начальника полиции. Мегрэ машинально вытащил из жилетного кармана часы и вздохнул облегченно и устало одновременно – так вздыхают грузные мужчины на исходе жаркого июльского дня. Потом собрал свои папки со стола красного дерева. Обитая дверь закрылась за ним, и он пересек приемную. Пустые красные кресла. Старый посыльный сидит в своей стеклянной клетке. Безлюдный, нескончаемый коридор сыскной полиции выглядит пасмурным даже в лучах солнца.

Привычные каждодневные действия. Он вернулся к себе в кабинет, в котором стоял неистребимый запах табака, хотя окно, выходившее на набережную Орфевр, было распахнуто настежь. Сложил папки в углу кабинета, выбил еще теплую трубку о край подоконника, сел в свое кресло, а рука машинально потянулась за другой трубкой, туда, где та обычно лежала – на столе справа.

Но трубки на месте не было. Всего у него три трубки, одна, пенковая, лежала возле пепельницы, но лучшая, которой он чаще всего пользовался и всегда носил с собой, – массивная, чуть изогнутая вересковая трубка, подаренная ему женой на день рождения десять лет назад, – он называл ее «моя любимая старая трубка» – куда-то делась.

Он с удивлением начал шарить по карманам. Поискал на камине из черного мрамора. По правде сказать, он не волновался. Ничего особенного, бывало, что ему не сразу удавалось найти одну из своих трубок. Обошел кабинет два или три раза, открыл стенной шкаф со встроенной старомодной эмалированной раковиной для мытья рук.

Искал он, как и все мужчины, довольно бестолково, ведь после полудня он вообще не открывал этот шкаф, а когда после шести ему позвонил судья Комелио, он держал во рту именно эту трубку.

Он спросил у посыльного:

– Скажите, Эмиль, кто-нибудь заходил в мой кабинет, пока я был у шефа?

– Никто, господин комиссар.

Он снова обшарил карманы пиджака и брюк. Таких грузных людей, как он, злит, когда приходится вот так, бессмысленно ходить кругами, ему от этого становилось только жарко.

Он заглянул в кабинет инспекторов – там никого не было. Ему уже случалось забывать у них свои трубки. Было странно и приятно видеть помещение сыскной полиции на набережной Орфевр таким пустынным, как во время отпусков. Трубки не видно. Постучал к начальнику. Тот только что вышел. Он заглянул к нему, зная наперед, что трубки там нет, ведь когда около половины седьмого он заходил к нему обсудить дела и свою предстоящую поездку в деревню, он курил другую трубку.

Без двадцати восемь. Он обещал быть дома, на бульваре Ришар-Ленуар, к восьми: к ним приглашены сестра жены с мужем. Что же он обещал захватить по дороге? Кажется, фрукты. Да, точно. Жена просила купить персики.

Но по дороге в этот душный вечер он продолжал думать о трубке. Помимо воли эта пропавшая слегка беспокоила его, так нас иногда тревожат какие-то ничего не значащие, но необъяснимые мелочи.

Он купил персиков, пришел домой, поцеловал свояченицу, которая еще больше растолстела. Налил всем аперитив. Именно в эту минуту он должен был бы держать во рту свою любимую трубку.

– Много работы?

– Да нет, затишье.

Случаются такие спокойные периоды. Двое его коллег были в отпуске. Третий позвонил утром и сообщил, что берет два дня выходных: на него свалились родственники из провинции.

– Похоже, ты чем-то озабочен, Мегрэ, – заметила жена за ужином.

У него не хватило духу признаться, что его беспокоит исчезновение трубки. Действительно, не будет же он делать из этого трагедию. Хотя, в общем-то, так оно и было.

В два часа, да, в два с минутами он сидел у себя в кабинете. К нему зашел Люка обсудить недавнее ограбление, потом посудачили об очередном прибавлении в семействе инспектора Жанвье.

После этого, сняв пиджак и ослабив галстук, Мегрэ, не торопясь, написал рапорт по поводу одного самоубийства, которое сперва посчитали убийством. Тогда он курил свою большую трубку.

Затем привели Жежена, мелкого сутенера с Монмартра, он пырнул ножом одну из своих проституток, которая, по его словам, «немного его задела». Но Жежен к столу не подходил и вдобавок был в наручниках.

Разлили ликер. Женщины обсуждали кулинарные рецепты. Свойка рассеянно слушал, покуривая сигару, а из раскрытого окна доносился шум с бульвара Ришар-Ленуар.

После полудня Мегрэ вообще не выходил из кабинета, даже не выпил кружку в пивной «Дофин».

Постой-ка, ведь была какая-то женщина... Как же ее звали? Руа или Леруа. Она явилась сама, ее никто не вызывал. Зашел Эмиль и доложил:

– К вам женщина с сыном.

– В чем там дело?

– Не хочет говорить. Настаивает, чтобы их отвели к главному начальнику.

– Впусти ее.

Совершенно случайно у него выдалась свободная минута, иначе бы он ее вообще не принял. Разговор был такой малозначащий, что сейчас он с трудом вспоминал подробности...

Родственники ушли. Приводя в порядок комнату, жена заметила:

– Ты какой-то молчаливый сегодня. Что-то случилось?

Да нет, как раз напротив. Все было в порядке, кроме трубки. Смеркалось. Сняв пиджак, Мегрэ облокотился о подоконник, тысячи парижан, покуривая трубку или сигарету, в это же время стояли у своих окон – дышали свежим воздухом.

Эта особа – пожалуй, все-таки мадам Леруа – сидела прямо напротив комиссара со слегка напряженным видом, словно изо всех сил стараясь держаться с достоинством. Лет сорока пяти, из тех женщин, что, старея, будто высыхают. Мегрэ же предпочитал таких, кто с годами становится пышнее.

– Я пришла к вам, господин начальник...

– Начальника сейчас нет. Я комиссар Мегрэ.

Интересно, вдруг всплыла такая деталь. Женщина не стала возражать. Она ведь, наверное, не читала газет и никогда о нем не слышала. Скорее, была оскорблена тем, что ее не принял лично начальник сыскной полиции; она махнула рукой, словно бы говоря: «Все равно, делать нечего...»

Паренек, на которого Мегрэ тогда еще не обратил внимания, как разотреагировал, подскочил на месте и с интересом стал внимательно рассматривать комиссара.

– Ты не ложишься, Мегрэ? – спросила мадам Мегрэ, она уже сняла покрывало с кровати и начала раздеваться.

– Я скоро.

Теперь нужно вспомнить, что именно сказала ему та женщина. Она ведь трещала без умолку! Тараторила, не давая себя прервать! Обычно так ведут себя люди, которые высоко

ценят каждое свое слово и боятся, что их не воспримут всерьез. Впрочем, это особенно свойственно женщинам, и прежде всего женщинам под пятьдесят.

– Мы с сыном живем...

Хотя, по сути, возможно, она была права, потому что Мегрэ слушал ее краем уха.

Понятно, она вдова. Сказала, что овдовела несколько лет назад, пять или десять, он забыл. Довольно давно, поскольку сокрушалась, что ей было трудно одной воспитывать сына.

– Я все для него делала, господин комиссар.

Ну разве можно внимательно прислушиваться к словам, которые твердят все женщины этого возраста при аналогичных обстоятельствах, причем одинаково гордо и со смиренным выражением лица? Какой-то еще эпизод был связан с ее вдовством. Что же именно? Ах да... Она сказала:

– Мой муж был кадровым офицером.

Но сын поправил ее:

– Унтер-офицером, мама. Интендантской службы в Венсене.

– Нет уж, прости... Раз я говорю офицером, значит знаю, что говорю. Если бы он не умер, если бы он не убил себя, работая как каторжный на начальство, которое и мизинца его не стоило и сваливало на него свои обязанности, он сейчас уже стал бы офицером. Поэтому...

Мегрэ не забывал о трубке. Напротив, он это вспомнил именно в связи с ней. Скажем, он уверен, что слово «Венсен» так или иначе связано с трубкой: ведь он курил ее в тот момент, когда прозвучало это слово. Впрочем, позже речь о Венсене уже не заходила.

– Простите, а где вы живете?

Сейчас он не мог вспомнить названия набережной, но знал – где-то сразу за набережной Берси, в Шарантоне. Покопавшись в памяти, он представил себе широкую набережную со складами и баржами под разгрузкой.

– У нас двухэтажный домик между кафе и доходным домом.

Парень сидел в углу и держал на коленях соломенную шляпу, у него и в самом деле была соломенная шляпа.

– Мой сын не хотел, чтобы я к вам шла, господин начальник. Простите, господин комиссар... Но я ему сказала: «Если ты ни в чем не виноват, тогда не вижу смысла, почему бы...»

Какого цвета было у нее платье? Кажется, в черных и лиловых тонах. Такие платья носят немолодые женщины, претендующие на элегантность. Шляпа замысловатого фасона, вероятно не раз переделанная. Темные нитяные перчатки. Ей нравилось слушать собственный голос, и начинала она фразы так: «Представьте себе, что...» или же «Не секрет, что...».

Перед ее приходом Мегрэ надел пиджак и теперь парился в нем и чувствовал, что его разморило. Вот ведь каторга! Он жалел, что сразу же не отослал ее в кабинет инспекторов.

– Возвращаясь домой, я не раз замечала, что там кто-то побывал в мое отсутствие.

– Вы живете вдвоем с сыном?

– Да. И сперва я даже подумала, что это он. Но он в это время бывает на работе.

Мегрэ взглянул на парня, которому, казалось, было не по себе. Тоже весьма распространенный тип. Наверное, лет семнадцати, худой, высоченный. Лицо в прыщах, рыжеватые волосы, веснушки возле носа.

Замкнутый? Возможно. Мамаша чуть позже сама заявила об этом, есть люди, которые обожают говорить гадости про своих близких. Во всяком случае застенчивый. И скрытный. Он сидел, уставившись в ковер или какой-то другой предмет в кабинете, но, как только ему казалось, что на него не смотрят, тут же бросал быстрый взгляд на Мегрэ.

Парень был явно недоволен тем, что оказался в полиции. Он, в отличие от матери, не считал это необходимым. Быть может, он даже немного стыдился ее манерности и трескотни.

– Чем занимается ваш сын?

– Он ученик парикмахера.

Молодой человек заметил с досадой:

– У моего дядюшки парикмахерская в Ниоре, и вот мама вбила себе в голову...

– Разве стыдно быть парикмахером? Я хочу сказать, господин комиссар, что он не может уйти в рабочее время из салона на площади Республики. Я сама это проверяла.

– Простите. Вы подозревали, что ваш сын приходит домой, когда вас нет, и следили за ним?

– Да, господин комиссар. Я никого конкретно не подозреваю, но знаю, что мужчины способны на все.

– И что же, по-вашему, мог делать ваш сын, когда вас не было дома?

– Не знаю.

Потом после паузы:

– Может быть, приводил женщин? Три месяца назад я нашла у него в кармане письмо от какой-то девчонки. Если бы его отец...

– А почему вы уверены, что кто-то заходил в ваш дом?

– Ну, это сразу чувствуется, господин комиссар. Стоит мне открыть дверь, и я могу сказать...

Что ж, не слишком научно, но в целом вполне объяснимо по-человечески. Мегрэ сам замечал подобное.

– Ну а еще?

– Еще всякие мелочи. Например, дверца зеркального шкафа, которую я никогда не запираю, оказалась как-то запертой на один оборот.

– У вас в шкафу спрятано что-то ценное?

– Там наша одежда, белье, какие-то семейные сувениры, но ничего не пропало, если вы это имеете в виду. И в подвале тоже – один ящик оказался передвинут.

– А что в нем было?

– Пустые стеклянные банки.

– Значит, у вас вообще ничего не пропало?

– Нет как будто.

– С какого времени вам кажется, что к вам в дом кто-то навещается?

– Мне не кажется, я в этом уверена. Уже месяца три.

– И сколько раз, по-вашему, к вам приходили?

– В общей сложности раз десять... После первого раза долго, где-то около трех недель, никто не заглядывал. Или я просто не замечала. Потом два раза подряд. Затем снова никого недели три или даже больше. Но в последние дни приходят постоянно. Позавчера, когда была гроза, на полу остались следы и подтеки воды.

– Вы не обратили внимания, следы мужские или женские?

– Скорее мужские, правда я не уверена.

Она рассказала еще многое другое. Говорила без умолку, причем даже вопросов задавать не понадобилось! Например, в прошлый понедельник она специально повела сына в кино, потому что по понедельникам парикмахерская закрыта. Поэтому он находился под ее контролем, с полудня они были вместе и вернулись вдвоем.

– И тем не менее в дом приходили.

– Однако ваш сын не хотел, чтобы вы обращались в полицию?

– Вот именно, господин комиссар. Как раз этого я и не могу понять. Он ведь тоже видел следы, не хуже меня.

– Вы видели следы, молодой человек?

Тот с упрямым видом предпочел не отвечать. Означало ли это, что мать все выдумала или просто слегка помешалась?

– Вы знаете, каким образом неизвестный или неизвестные проникают в ваш дом?

– Думаю, через дверь. Я никогда не оставляю окон открытыми. Во двор им не попасть – стена слишком высокая, для этого придется пройти через дворы соседних домов.

– А на замке следов не осталось?

– Ни царапинки. Я даже пользовалась увеличительным стеклом покойного мужа.

– У кого-то еще есть ключ от вашего дома?

– Ни у кого. Могла бы иметь моя дочь, – (парень заерзал на стуле), – но она живет в Орлеане с мужем и двумя детьми.

– У вас хорошие отношения?

– Я всегда говорила, что ей не следовало выходить замуж за это ничтожество. А в остальном, поскольку мы редко видимся...

– Вы часто уходите из дому? Вы сказали, что вы вдова. Вероятно, военная пенсия, которую вы получаете, невелика...

Она приняла гордый и одновременно скромный вид.

– Я работаю. Сначала, то есть сразу же после смерти мужа, у меня в доме жили квартиранты. Двое. Но мужчины ужасные неряхи. Видели бы вы, в каком виде они оставили свои комнаты!

В тот момент Мегрэ казалось, что он ее не слушает, но теперь тем не менее он отчетливо вспоминал не только ее слова, но даже интонацию, с какой они были произнесены.

– Уже год я работаю компаньонкой у мадам Лальман. Очень достойная дама, мать врача. Она живет одна недалеко от шарантонского шлюза, как раз напротив, и каждый день во второй половине я... Мы с ней скорее подружки, понимаете?

По правде говоря, Мегрэ не придавал никакого значения этой истории. Возможно, у нее маниакальные идеи. Его это не интересовало. Во всяком случае, подобные визиты отнимают не меньше получаса. И как раз в этот момент вошел начальник, вернее, заглянул в кабинет, как он это часто делал. Взглянул на посетителей, сразу определил по одному их виду, что дело пустяковое.

– Можно вас на минутку, Мегрэ?

Они ненадолго вышли в соседний кабинет, чтобы тут же, стоя, обсудить ордер на арест, только что полученный по телеграфу из Дижона.

– Торранс займется этим делом, – сказал Мегрэ.

В это время во рту он держал трубку, но не любимую, а другую.

Любимую он, вероятнее всего, положил на стол в тот момент или незадолго до того, как ему позвонил судья Комелию. Но тогда он еще об этом не думал.

Он вернулся в кабинет и встал у окна, заложил руки за спину.

– В общем, у вас ничего не украли, мадам?

– Полагаю, что нет.

– То есть вы не намерены заявлять о краже?

– Этого я никак не могу сделать, поскольку...

– Вам просто кажется, что в последние месяцы и особенно в последние дни кто-то постоянно проникает к вам в дом. Верно?

– Один раз даже ночью.

– Вы кого-то видели?

– Я слышала.

– Что же вы слышали?

– На кухне упала и разбилась чашка. Я сразу же спустилась вниз.

– Вы были вооружены?

– Нет. Я не боюсь.

– Там никого не было?

– Уже никого. А осколки чашки валялись на полу.

- Кошки у вас нет?
- Ни кошки, ни собаки. От животных слишком много грязи.
- А чужая кошка не могла к вам забрести?
- Парень на стуле, казалось, страдал все больше и больше.
- Мама, ты злоупотребляешь терпением комиссара Мегрэ!
- Итак, мадам, вы не знаете, кто мог проникнуть к вам и не имеете ни малейшего представления о том, что могли бы искать в вашем доме?
- Ни малейшего. Мы всегда были честными людьми и...
- Если хотите послушать мой совет – смените замок. Посмотрим, повторятся ли еще таинственные визиты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.